

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Свой обычный праздникъ перваго Октября въ минувшемъ году Московская академія скромно праздновала лишь черезъ нѣсколько дней послѣ того великаго торжества, которое сосредоточило на себѣ благоговѣйное вниманіе всей православной Россіи. Подъ живымъ впечатлѣніемъ близкаго сосѣдства этихъ двухъ торжествъ, столь различныхъ по размѣрамъ и значенію, въ одной изъ застольныхъ рѣчей послѣ академическаго акта ораторъ, между прочимъ, говорилъ: „Нашъ нынѣшній праздникъ, при всей своей обычной торжественности, невольно кажется нѣсколько блѣднымъ. И нельзя ему было не поблѣднѣть, когда пришлось стать рядомъ съ другимъ, высоко знаменательнымъ и всенароднымъ торжествомъ, когда и въ самыхъ академическихъ залахъ мы только что были свидѣтелями такого глубокаго по содержанію и блестящаго по внѣшней формѣ собранія, подобнаго которому едвали наша академія когда-либо видѣла въ своихъ стѣнахъ. Роскошный газовый фонарь, какъ-бы ярко ни блестѣлъ своимъ обычнымъ свѣтомъ, неизбѣжно покажется тусклымъ, когда подлѣ него вдругъ вспыхнетъ электрическое солнце“. Эти слова и впечатлѣнія снова приходятъ мнѣ на память теперь, когда я берусь за перо, чтобы сообщить читателю что-нибудь о послѣднихъ событіяхъ академической жизни. Какъ блѣдны, какъ мелки эти событія сравнительно съ тѣмъ, что еще такъ недавно переживала академія вмѣстѣ съ лаврой и со всей Россіей! Стѣбитъ-ли, думается мнѣ, даже и говорить о нихъ?.. Но, всему свое время и своя доля вниманія. Не изъ однихъ

великихъ событій слагается исторія и самое великое отъ малаго зарождается, изъ многихъ мелочей составляется и неизбѣжно ими обусловливается. Древнѣй русскій лѣтописецъ, повѣствуя о такихъ выдающихся событїяхъ какъ греческіе походы и договоры Олега и Игоря, или крещеніе Руси напр., въ то же время заботливо отмѣчаетъ: „родися Ярославу 4-й сынъ“, „бѣ моръ въ конихъ“, „явился звѣзда съ хвостомъ“, „пострижеса Еупракси, Всеволожа дщи“, „заложена бысть церкви святаго Михаила“ и т. под. явленія, совсѣмъ, повидимому, неважныя для исторіи его народа. Утѣшаясь его примѣромъ, зачѣмъ-же и мнѣ, академическому лѣтописцу, смущаться сравнительною незначительностію тѣхъ событій, о которыхъ приходится повѣствовать? Зажгу и я, какъ онъ, „свою лампаду“ и пусть „минувшее проходить предо мною“...

Вѣдь и не особенно важное по существу часто способно возбудить интересъ и вызвать на немаловажныя размышленія.

Десятаго Октября исполнилась годовщина со дня кончины извѣстнаго Оптинскаго старца, о. Амвросія, долгіе годы служившаго высокимъ руководителемъ для многихъ православныхъ людей, которые отовсюду стекались къ нему, ища духовно-нравственнаго наставленія и вразумленія. Не безъ его вліянія совершилось и то, чему въ этотъ день Московская академія была свидѣтельницею въ своемъ обновленномъ храмѣ. На всенощномъ бдѣнїи этого дня, послѣ великаго славословія, снова послышались звуки торжественной пѣсни: „объятія Отца отверзти ми потщися“ и предъ алтаремъ академическаго храма предстали два бывшихъ ученика покойнаго Оптинскаго старца, недавно поступившіе въ число вольнослушателей академіи и искавшіе теперь иноческаго постриженія. Первымъ изъ постригаемыхъ былъ дворянинъ С.-Петербургской губерніи, Михаилъ Феодоровичъ Алексѣевъ, 41 года. Образованіе получилъ онъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій и затѣмъ въ морскомъ училищѣ. По окончаніи курса, въ 1872 г., онъ поступилъ на военно-морскую службу, на которой и оставался въ теченіи восемнадцати лѣтъ. Находясь на морской службѣ онъ совершилъ два кругосвѣтныхъ плаванія, употребивъ на нихъ, въ сложности около восьми лѣтъ и наконецъ,

въ 1890 г., вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана перваго ранга. Религіозное настроеніе Михаила Ѳеодоровича, особенно усилившееся подѣ вліяніемъ близкаго знакомства съ Кронштадтскимъ протоіереемъ, о. Іоанномъ Сергіевымъ, привело его, по окончаніи службы, въ Оптину пустынь, гдѣ онъ и сталъ проходить приготовительные подвиги монашескаго послушанія, подѣ руководствомъ отца Амвросія. Кончина старца-наставника застала Михаила Ѳеодоровича еще въ приготовленіяхъ къ иноческому постриженію, котораго онъ сподобился лишь десятаго Октября минувшаго года въ храмѣ Московской духовной академіи, куда поступилъ теперь для приобрѣтенія высшаго богословскаго образованія. Обрядъ постриженія совершалъ о. ректоръ академіи архим. Антоній, при чемъ новому иноку наречено было имя Михея, въ честь ученика Преподобнаго Сергія, преп. Михея, мощи коюго почиваютъ въ небольшомъ храмѣ его имени, подлѣ трапезной церкви.

Вторымъ изъ постригаемыхъ былъ дворянинъ Курской губерніи, Владиміръ Михайловичъ Машкинъ, 38 лѣтъ. По окончаніи курса Морскаго училища онъ слушалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и затѣмъ, въ 1874 г., поступилъ на службу въ морское вѣдомство. Черезъ два года Владиміръ Михайловичъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку, въ чинѣ мичмана, и съ той поры жизнь его получила совершенно иное направленіе. Тяжко заболѣвъ, онъ далъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, послужить Богу въ одномъ изъ аеонскихъ монастырей; а потому, когда болѣзнь миновала, поступилъ, исполняя обѣщаніе, послушникомъ въ Пантелеимоновъ монастырь, гдѣ и подвизался въ теченіи пяти лѣтъ, подѣ руководствомъ извѣстнаго аеонскаго старца, о. Макарія. Возвратившись въ Россію, Владиміръ Михайловичъ пожелалъ получить высшее богословское образованіе и поступилъ въ число вольнослушателей Московской дух. академіи, гдѣ и принялъ иноческое постриженіе, при чемъ ему наречено было имя Серапіона, въ честь Новгородскаго Святителя, мощи коюго почиваютъ въ палаткѣ лаврскаго Троицкаго собора.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени постриженія иноковъ Михея и Серапіона, какъ за всеобщимъ бдѣніемъ 2-го Декабря молившіеся въ храмѣ Московской академіи

снова увидѣли одного изъ ея питомцевъ ищущимъ ангельскаго житія. Это былъ вольнослушатель академіи Николай Николаевичъ Безсоновъ, дворянинъ, сынъ инспектора Горы-Горецкаго земледѣльческаго училища, 24-хъ лѣтъ, окончившій курсъ ученія въ Московскомъ Константиновскомъ межевомъ институтѣ. При постриженіи въ монашество ему наречено имя Никона, въ честь нетлѣнно почивающаго въ той-же Троицкой лаврѣ ученика и преемника Преп. Сергія.

Итакъ, на пространствѣ двухъ мѣсяцевъ — три новыхъ монаха, а если припомнить постриженія, бывшія въ Февралѣ и Маѣ, то нужно будетъ сказать, что въ теченіе минувшаго года пять новыхъ иноковъ дала русскому обществу одна только Московская академія изъ числа своихъ питомцевъ. Что-же это значить и не есть-ли это какое-либо знаменіе времени? Исторія свидѣтельствуешь, что процвѣтаніе монашества обыкновенно служить показателемъ возбужденія въ обществѣ религіознаго сознанія, а потому не въ правѣ-ли мы подумать, что увеличеніе количества монаховъ въ академіи служить нѣкоторымъ отображеніемъ современнаго общественнаго настроенія? Чтобы придти къ какому-либо выводу въ этомъ случаѣ, нужно еще предварительно рѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли указанное число иноковъ составляетъ для академіи явленіе необычное. Вѣдь никто не удивляется тому, что съ медицинскаго факультета каждый годъ выходитъ много врачей, или изъ технологическаго института — техниковъ. Можетъ быть нѣтъ ничего необычнаго и въ томъ, что „духовная“ академія воспитываетъ многихъ монаховъ. Рѣшить этотъ вопросъ, конечно, не трудно; — стѣбитъ лишь обратиться за указаніями къ модной въ настоящее время статистикѣ, къ которой теперь всегда стараются прибѣгнуть, ища разрѣшенія всякаго рода недоумѣній. Попробуемъ и мы сдѣлать экскурсію въ эту область; можетъ быть и для насъ найдется въ ней что-либо поучительное.

Просматривая списки воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ Московской академіи за все время ея существованія и отыскивая въ этихъ спискахъ имена монашествующихъ, нельзя не замѣтить, что первое пятидесятилѣтіе, т. е. время съ 1814-го по 1864-й годъ, рѣзко разнится въ этомъ отношеніи отъ лѣтъ послѣдующихъ. Общій итогъ

всѣхъ монашествующихъ, вышедшихъ изъ Московской академіи за первое ея пятидесятилѣтіе, выражается въ цифрѣ 139. За все это время не оказывается ни одного курса, въ спискахъ котораго не было-бы монаховъ, а число ихъ на каждомъ курсѣ въ отдѣльности выражается, по хронологическому порядку академическихъ выпусковъ, въ слѣдующихъ цифрахъ ¹⁾: 10, 10, 4, 6, 3, 10, 5, 6, 7, 6, 10, 7, 10, 8, 5, 4, 6, 2, 4, 5, 3, 1, 6 и 1. Сравнивая первое пятидесятилѣтіе Московской академіи съ послѣдующимъ временемъ, до 1891-го года, мы находимъ между этими періодами весьма существенное различіе. За все время съ 1866-го по 1890-й годъ Московская академія имѣетъ въ своихъ спискахъ только 26 монаховъ да и это число еще должно быть нѣсколько уменьшено. Нужно замѣтить, что въ числѣ монашествующихъ воспитанниковъ духовныхъ академій бываютъ иногда разные иностранцы, въ особенности — греки, болгары и др., приѣзжающіе въ Россію и поступающіе въ академію уже въ монашескомъ чинѣ. Такіе академическіе монахи не имѣютъ, конечно, никакого отношенія къ вопросу о религіозномъ настроеніи нашего русскаго общества и не должны, въ сущности, входить въ расчетъ при нашихъ вычисленіяхъ. Такихъ монаховъ-иностранцевъ въ первое пятидесятилѣтіе Московской академіи въ ея спискахъ было 3, а въ слѣдующее затѣмъ двадцатипятилѣтіе—6, а потому, вычитая эти цифры изъ общей суммы итоговъ, мы получимъ за первое пятидесятилѣтіе академіи число вышедшихъ изъ нея русскихъ монаховъ—136, за слѣдующее-же двадцатипятилѣтіе—20. Въ хронологическомъ порядкѣ академическихъ выпусковъ эти 26 монаховъ втораго періода, считая вмѣстѣ съ иностранцами, распредѣляются по курсамъ такимъ образомъ: 3 (изъ коихъ одинъ иностранецъ), 0, 2, 7 (4 иностранца), 0, 1, 2, 0, 1, 1, 2, 1, 1, 1, 1, 1, 1, 0, 0, 1 (иностранецъ), и 0. Приведенныя цифры, очевидно, не могутъ выдержать никакого сравненія съ тѣми, которыя представ-

1) Считаемо нужнымъ замѣтить, что, по свойству имѣющихся у насъ подъ руками данныхъ, во всѣхъ нашихъ вычисленіяхъ имѣются въ виду не только тѣ монахи, которые приняли постриженіе во время своего пребыванія въ академіи, но и тѣ, которые поступили уже монахами, или стали таковыми по выходѣ своемъ изъ академіи.

ляются изслѣдователю за первое пятидесятилѣтіе Московской академіи, и невольно бросается въ глаза тотъ фактъ, что на двадцатипятилѣтнемъ пространствѣ втораго періода можно встрѣтить шесть выпусковъ, въ спискахъ которыхъ совсѣмъ нѣтъ монаховъ, тогда какъ за первыя пятьдесятъ лѣтъ ни одного такого выпуска не имѣется. Что-же говорить намъ приведенныя цифры? Если процвѣтаніе монашества служить показателемъ пробужденія въ обществѣ религіознаго сознанія, то второй изъ разсматриваемыхъ періодовъ академической жизни, опираясь на указанныя цифры, мы должны, очевидно, признать въ религіозномъ отношеніи для русскаго общества временемъ сравнительнаго упадка и застоя. Противъ такого вывода, мнѣ думается, едва-ли кто станетъ спорить, если припомнить, что начало этого періода совпадаетъ съ концемъ шестидесятыхъ годовъ, когда, по недавнему выраженію Вл. Соловьева, исповѣдывать благочестивые взгляды значило возбуждать противъ себя лишь недоумѣнія, насмѣшки и поношенія. Справка съ цифрами за то двадцатипятилѣтіе, которое окончилось 1890-мъ годомъ, ясно такимъ образомъ показываетъ, что такое явленіе, какъ постриженіе въ монашество пяти воспитанниковъ академіи въ теченіи одного года, должно быть признано необычнымъ. Наша академическая статистика по вопросу о монашествѣ начинаетъ уже, очевидно, показывать нѣчто совсѣмъ иное, нежели что мы привыкли видѣть въ ея показаніяхъ за послѣдніе десятки лѣтъ. Съ 1891-го года, судя по цифрамъ, въ господствовавшемъ дотолѣ направленіи какъ будто уже замѣчается начало нѣкотораго измѣненія. Въ этомъ году, въ списокѣ окончившихъ курсъ Московской академіи мы встрѣчаемъ троихъ монаховъ, а въ 1892-й году—еще двухъ, всѣ эти пять питомцевъ академіи приняли иноческое постриженіе во время своего академическаго курса. Въ средѣ наличныхъ воспитанниковъ академіи насчитывается теперь уже шесть монаховъ, изъ коихъ два иностранца и четыре русскихъ. Такимъ образомъ въ эти послѣдніе годы Московская академія воспитала и воспитываетъ 11 монаховъ, т. е. почти половину того, что дало въ этомъ отношеніи цѣлое, недавно минувшее, двадцатипятилѣтіе. Не говорятъ-ли эти новыя цифры о томъ, что, по сравненію съ недавнимъ

прошлымъ, въ религіозномъ настроеніи современнаго общества совершается нѣкоторая перемѣна? Не составляютъ-ли онѣ нѣкоторое подтвержденіе той мысли, что настоящее время, какъ недавно замѣчено и въ одномъ изъ свѣтскихъ журналовъ, есть время особеннаго оживленія религіознаго чувства въ образованномъ обществѣ?

Затронутая нами статистика даетъ основаніе еще для одного интереснаго наблюденія. Изъ 136-ти русскихъ монаховъ за первое академическое пятидесятилѣтіе мы можемъ отмѣтить только одного такого, который, по своему происхожденію, не принадлежалъ къ духовному сословію,—это всѣмъ извѣстный лейтенантъ Левъ, въ монашествѣ Леонидъ, Краснопоѣвковъ, скончавшійся впоследствии въ санѣ архіепископа Ярославскаго. Что-же касается русскихъ академическихъ монаховъ слѣдующаго двадцатипятилѣтія, то изъ общаго ихъ числа, 20-ти,—6 не принадлежатъ къ сословію духовному и четверо изъ этихъ шести получили предварительное образованіе въ классическихъ гимназіяхъ или университетѣ. Притокъ иносословныхъ въ составъ академическаго монашества начинается съ восьмидесятыхъ годовъ, такъ что въ спискахъ курсовъ 1882, 1884, 1885 и 1886 годовъ всѣ имѣющіеся монахи не принадлежатъ по своему происхожденію къ сословію духовному. Изъ числа тѣхъ шести монаховъ, которые въ настоящее время обучаются въ академіи — 2 иностранца и остальные 4 дворянскаго происхожденія. Это опять знаменіе времени. Въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ теперь всѣми замѣчено сильное религіозное возбужденіе и на поступленіе людей этого общества въ ряды духовенства, преимущественно монашескаго, не разъ уже указывали въ литературѣ какъ на одинъ изъ ясныхъ признаковъ этого возбужденія ¹⁾. Наша академическая статистика еще разъ слѣдовательно подтверждаетъ то, о чемъ теперь можно слышать повсюду.—Проявляющееся въ этомъ случаѣ религіозное движеніе свѣтскаго образованнаго общества у многихъ, какъ извѣстно, возбуждаетъ нѣкоторое опасеніе, причину и сущность котораго съ достаточною полнотою выяснилъ напр.: Г. Л. Тихомировъ въ статьѣ своей „Духовенство и общество въ совре-

¹⁾ См. напр.: Русское Обозрѣніе Сентябрь и Октябрь 1892 г. стр. 224 и 877.

менномъ религіозномъ движеніи“¹⁾. Онъ называетъ это движеніе скорѣе „броженіемъ, результатъ котораго еще очень и очень подлежитъ сомнѣнію“. Оно часто „не только не ищетъ руководства церкви, но страстно критикуетъ ее и открыто выражаетъ стремленіе сверху до низу ее передѣлать“; въ немъ замѣчается по меньшей мѣрѣ „недостаточная нравственная связь съ церковію, работа духа самовольная, самочинная“.... „Въ этомъ движеніи, продолжаетъ онъ, крайне мало религіознаго элемента, оно по преимуществу есть движеніе умственное“,... „въ немъ менѣе всего главнаго—*вѣры*, безкорыстной, самоотверженной“.... „Что ни вольный пророкъ, то новая вѣра. Всякій смѣетъ представлять себѣ Бога, какъ вздумаетъ, словно будто въ самомъ дѣлѣ Богъ *Самъ Себя* не показываетъ съ начала жизни рода человѣческаго“.... Выводъ, къ которому приходитъ авторъ послѣ такой характеристики движенія, выражается у него слѣдующимъ образомъ: „Для восстановленія правильнаго развитія нашему обществу необходимо *воспитаніе чувства вѣры*, и, стало быть, отрѣшеніе отъ умствованій, отъ глубоко-ошибочной привычки *разсудкомъ* „самочинно“ искать религіозной истины. Первый актъ стремленія къ культурѣ чувства *вѣры* есть скромное обращеніе *за наученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было Самому показать Себя, то есть въ Церковь, къ духовенству, которому ввѣрено *наученіе*. Этотъ первый шагъ еще лежитъ предъ нашимъ „религіознымъ“ движеніемъ, и люди общества могутъ его сдѣлать только самостоятельнымъ усиліемъ, добровольно.... Скромное, безхитростное подчиненіе авторитету церкви есть для общества первый шагъ, можетъ быть самый трудный“.—Становясь на точку зрѣнія Г. Тихомирова, мы съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ притокъ въ число питомцевъ нашей академіи людей свѣтскаго образованнаго общества, ибо надѣемся видѣть въ нихъ не самозваныхъ реформаторовъ, увлекающихся самовольною и самочинною работой духа, а искренно-религіозныхъ людей, въ скромной и безхитростной вѣрѣ обращающихся за наученіемъ туда, гдѣ воспитываются пастыри церкви, которымъ Самимъ Богомъ ввѣрено это наученіе.

1) Русское Обозрѣніе. Сентябрь 1892 г.

21-го Октября исполнилось сорокъ лѣтъ учебной службы старѣйшаго изъ наличныхъ преподавателей Московской академіи, заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола, доктора богословія и извѣстнаго въ Россіи дѣятеля по борьбѣ съ расколомъ, Николая Ивановича Субботина. По случаю пребыванія юбиляра въ Москвѣ, академическая корпорація не имѣла возможности лично принести ему свои поздравленія, но сочла своимъ долгомъ и въ академіи чѣмъ-либо ознаменовать день его юбилея. Въ академической церкви, предъ началомъ лекцій, совершена была божественная литургія и благодарственное молебствіе съ присоединеніемъ на эктени молитвенныхъ прошеній за юбиляра и приглашеніемъ ему обычнаго многолѣтія. Между тѣмъ въ Москву ко дню юбилея отправился секретарь совѣта и правленія академіи М. К. Казанскій и отъ имени академической корпораціи передалъ юбиляру въ даръ икону Покрова Пресвятыя Богородицы въ серебряной-вызолоченной ризѣ.

Въ двадцатыхъ числахъ Октября разнеслась по всей Россіи вѣсть о состоявшемся Высочайшемъ назначеніи Высокопреосвященнѣйшаго Экзарха Грузіи, архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, Палладія митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ, Свято-Троицкія Александроневскія лавры священно-архимандритомъ и Первенствующимъ Членомъ Святѣйшаго Синода. Лишь только вѣсть эта достигла до посада, Московская духовная академія, еще въ 1885-мъ году избравшая Высокопреосвященнаго Палладія, тогда архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго, во уваженіе его многоплодной и благотворной архинастырской дѣятельности, своимъ почетнымъ членомъ, поспѣшила теперь принести ему свое поздравленіе. Посланная съ этою цѣлю въ Тифлисъ ректоромъ академіи, арх. Антоніемъ телеграмма гласила: „Московская Духовная Академія радостно привѣтствуетъ Ваше Высокопреосвященство, какъ своего почетнаго члена, съ высокимъ саномъ и званіемъ Россійскаго Первоіерарха“. Октября 27-го Высокопреосвященный Владыка почтилъ академію слѣдующею отвѣтною телеграммой на имя о. ректора: „Искренно признателенъ Вамъ и Академической корпораціи за поздравленіе“. Три недѣли спустя, всѣ учащіе и учащіяся въ Московской академіи удостоились и лично

принять благословеніе отъ новаго Русскаго Первосвященнаго Владыка не преминулъ побывать въ Троицкой лаврѣ и поклониться святымъ мощамъ Преподобнаго Сергія, при чемъ, несмотря на кратковременность своего здѣсь пребыванія, нашелъ возможность и Московской академіи оказать свое вниманіе. Въ день памяти Преподобнаго Никона 17-го Ноября, къ двѣнадцати часамъ дня въ академической церкви собрались всѣ профессора, должностныя лица и студенты академіи. Высокопреосвященный Палладій, прибывшій изъ Москвы утромъ этого дня, слушалъ божественную литургію въ Троицкомъ соборѣ и затѣмъ, въ 12 ч. 20 м. дня, въ сопровожденіи Высокопр. Экзарха Грузіи Владиміра и д. с. с. А. А. Арапова, посѣтилъ Московскую академію. Встрѣченный при входѣ ректоромъ и инспекторомъ академіи, Владыка, при иѣннѣ студенческимъ хоромъ тропаря Покрова Пресв. Богородицы, вступилъ въ академическій храмъ, въ дверяхъ котораго, его ожидали, по чиноположенію, священнослужители въ полномъ облаченіи съ животворящимъ крестомъ и святою водою. Облачившись въ мапію, Владыка прослѣдовалъ въ алтарь и стоя у св. престола выслушалъ краткое молитвословіе. Въ концѣ этого молитвословія провозглашено было многолѣтіе Высокопреосвященнымъ митрополитамъ Палладію и Леонтію и экзарху Владиміру и затѣмъ, по выраженному Владыкою желанію, учащимъ и учащимся въ академіи. По окончаніи богослуженія Высокопресв. Митрополитъ сталъ на амвонѣ и обратился къ собравшимся съ слѣдующимъ краткимъ словомъ: „Молитвенно призываю Божіе споспѣшествующее благословеніе на сію обитель высшаго богословскаго знанія“.

„Имѣлъ я и прежде утѣшеніе молиться здѣсь въ Вашемъ академическомъ храмѣ и утѣшаюсь теперь, вида этотъ храмъ обновленнымъ, расширеннымъ и украшеннымъ. Какъ старый студентъ, я люблю академію и всѣми желаніями желаю ей блага и преуспѣянія на пользу Святой Православной Церкви и отечества“.

„Вы—свѣтъ міра; Вы—соль земли. Да просвѣтится-же свѣтъ вашъ предъ чловѣки. Не забывайте никогда той высокой задачи, которая предстоить вамъ, и которой вы

служите и будете служить, какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ кругахъ и на всѣхъ поприщахъ жизни, гдѣ Господь васъ поставитъ“.

„Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами“.

Когда Владыка сошелъ съ амвона и привѣтливо обратился къ академической корпораціи, выражая свое удовольствіе по поводу свиданія съ академіей, о. ректоръ представилъ ему всѣхъ профессоровъ и служащихъ, при чемъ Его Высокопреосвященство, благословляя каждаго, съ нѣкоторыми изъ нихъ, почему-либо ему извѣстными, любовно вступалъ въ бесѣду. Благословивъ затѣмъ и всѣхъ студентовъ академіи, Владыка, вмѣстѣ съ Высокопр. Владиміромъ, сопровождаемый всею академической корпораціей, прослѣдовалъ въ квартиру о. ректора, гдѣ около получаса незамѣтно для всѣхъ пролетѣло въ оживленной бесѣдѣ. Высокопр. Митрополитъ вспоминалъ, между прочимъ, о своихъ прежнихъ посѣщеніяхъ Московской академіи и о тѣхъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ тогда въ особенности отъ свиданія съ нѣкоторыми, теперь уже почившими дѣятелями академіи, стоявшими въ то время во главѣ ея и составлявшими ея лучшее украшеніе. По поводу недавно праздновавшагося юбилея Казанской Духовной академіи, Владыка съ удовольствіемъ вспоминалъ о годахъ своего служенія въ Казани, о томъ, что онъ старался сдѣлать и сдѣлалъ для своей родной академіи и о тѣхъ близкихъ, сердечныхъ отношеніяхъ, въ какихъ онъ стоялъ тогда къ ея служащимъ. Живыя воспоминанія Владыки ясно свидѣтельствовали о его сыновней признательности и вмѣстѣ отеческомъ расположеніи къ той академіи, которая его воспитала и стояла затѣмъ подъ его руководствомъ. По поводу того-же юбилея Высокопр. Митрополитъ выразилъ свое искреннее сочувствіе высказанной на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ мысли о желательности болѣе живой связи и болѣе тѣснаго общенія между всѣми нашими духовными академіями. въ виду той несомнѣнной пользы, какая должна отъ того послѣдовать для дѣла православной церкви и духовнаго просвѣщенія. Владыка находилъ, что въ частности и мысль о лѣтнихъ съѣздахъ профессоровъ духовныхъ академій вполне заслуживаетъ сочувствія и вы-

разидь ей свое пожеланіе возможно скорѣйшаго осуществленія. Такое сочувствіе и благожеланіе въ устахъ Первосвятителя Россійской іерархіи имѣеть, конечно, особенное значеніе и даетъ нѣкоторое основаніе питать надежду, что, можетъ быть, не далеко то время, когда эта мысль получить возможность осуществиться и на дѣлѣ. — Въ своей задушевной бесѣдѣ съ профессорами Владыка коснулся наконецъ и еще одного вопроса, составляющаго, такъ сказать, больное мѣсто Московской академіи, а именнно вопроса о томъ, не желателенъ-ли переводъ ея изъ Сергіевскаго посада въ Москву? Было время когда съ различныхъ точекъ зрѣнія не мало писано было въ газетахъ и журналахъ по этому вопросу, но, къ сожалѣнію, изъ всей тогдашней литературной борьбы вышло всетаки совсѣмъ не то, чего-бы намъ хотѣлось. Мы совсѣмъ не думаемъ, конечно, останавливаться теперь со всею подробностію и основательностію на разсмотрѣніи этого вопроса, но не можемъ удержаться, чтобы не указать на нѣкоторые факты, далеко не говорящіе въ пользу сторонниковъ пребыванія академіи въ посадѣ. Какъ часто и доселѣ приходится слышать и читать горькія сѣтованія и даже упреки по адресу нашей академіи, что живетъ она слишкомъ изолировано и замкнуто, что не сближается въ достаточной степени съ свѣтскою наукою столицы, не оживляется и не освѣжается отъ соприкосновенія съ нею и, съ своей стороны не оказываетъ на нее должнаго благотворнаго вліянія. Сѣтуетъ Московское духовенство, что въ своей духовно-просвѣтительной дѣятельности оно лишено возможности научно и нравственно подкрѣплять себя непосредственнымъ общеніемъ съ воспитавшей его высшей богословской школой, пользоваться при случаѣ ея ученымъ содѣйствіемъ и руководствомъ. Жалуются иногда духовно-просвѣтительныя общества и учрежденія, что ученые дѣятели академіи гораздо менѣе принимаютъ участія въ ихъ трудахъ, чѣмъ сколько было-бы желательно въ интересахъ дѣла. При всякомъ удобномъ случаѣ всюду говорятъ, что Московская духовная академія и въ нравственномъ смыслѣ стоитъ какъ будто совсѣмъ въ сторонѣ отъ столицы, не принимая почти никакого участія въ ея духовной жизни. Все это, конечно, говорилось и прежде, когда въ литературѣ поднятъ былъ вопросъ

о переводѣ академіи въ Москву; но тогда, повидимому, не обратили на это серьезнаго вниманія. Съ той поры прошло уже слишкомъ двадцать лѣтъ, а упреки и сѣтованія не только не ослабѣваютъ, но даже становятся все болѣе и болѣе настойчивыми. Жизнь идетъ впередъ; религіозные запросы общества въ послѣднее время, по милости Божіей, заявляютъ о себѣ все съ большею и болѣею силой, а потому тѣмъ болѣе является основаній сожалѣть о томъ, что духовная академія стоитъ далеко въ сторонѣ отъ московской общественной жизни. А гдѣ причина всѣхъ этихъ упрековъ и сожалѣній? — Единственно въ томъ, что десятки верстъ отдѣляютъ академическихъ дѣятелей отъ столицы и лишаютъ ихъ физической возможности жить съ нею общею жизнію. Мы не говоримъ уже о тѣхъ постоянныхъ затрудненіяхъ и неудобствахъ, какія приходится терпѣть профессорамъ академіи въ ихъ научныхъ занятіяхъ, благодаря роковому разобщенію съ учеными сокровищницами, библіотеками и архивами, первопрестольной столицы. Не случайнымъ слѣдуетъ, конечно, признать то явленіе, что въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе увеличивается количество такихъ профессоровъ академіи, которые поселяются на постоянное жительство въ Москвѣ, еженедѣльно путешествуя оттуда въ посадъ для исполненія своихъ обязанностей въ аудиторіи или совѣтѣ. Не думаемъ, чтобы такіе поѣздки, сопряженныя съ необходимостію во всякую погоду поспѣшать на ранній поѣздъ, отправляющійся изъ Москвы въ 7 часовъ утра, и вести бивуачную жизнь съ ночевками въ гостинницѣ, могли доставлять кому-либо особенное удовольствіе. Лишь насущная потребность, думается намъ, можетъ заставить людей устроить жизнь свою на такихъ условіяхъ ¹⁾. А между тѣмъ, въ настоящее время изъ числа всѣхъ, 28-ми, преподавателей академіи уже пятеро живутъ въ Москвѣ. Въ ихъ числѣ есть и люди почтенные, прослужившіе въ академіи и прожившіе въ посадѣ по нѣскольکو десятковъ лѣтъ, и такіе, которые проходятъ лишь первые годы своей академической службы. И старцами, и зрѣлыми,

¹⁾ Мы не говоримъ, конечно, о тѣхъ, которые, кромѣ службы въ академіи, имѣютъ еще должности въ Москвѣ.

и юными, и стало-быть, съ одинаковою силой чувствуется иногда настойчивая научная потребность болѣе близкаго общенія съ столицей. Были и есть въ академической средѣ еще и такіе, которые, не имѣя возможности совсѣмъ переселиться въ Москву, вынуждены для своихъ ученыхъ занятій постоянно проводить въ ней по нѣскольку дней въ недѣлю, что, конечно, весьма тяжело отзывается на правильномъ строѣ жизни и въ особенности на скромномъ профессорскомъ бюджетѣ. Не прекратятся эти неудобства и затрудненія, не замолкнутъ упреки и сожалѣнія по поводу разобщенія духовной академіи съ религіозно-нравственною жизнію столицы до тѣхъ поръ, пока снова не поднятъ будетъ и не разрѣшится въ благопріятномъ смыслѣ старый вопросъ о томъ, чтобы Московскую академію сдѣлать дѣйствительно Московскою. Помнится, что однимъ изъ сильныхъ аргументовъ противъ перевода академіи въ Москву выставлялись, между прочимъ, тѣ большія денежные затраты, которыя являлись неизбѣжными при приобрѣтеніи и приспособленіи въ Москвѣ потребнаго для академіи зданія. Но какъ странно звучитъ этотъ аргументъ теперь, когда, оглядываясь на минувшіе годы, мы имѣемъ возможность припомнить, что на расширеніе и улучшеніе существующихъ въ даврѣ академическихъ зданій истрачено съ той поры гораздо болѣе, чѣмъ сколько потребовалось-бы для перевода академіи въ Москву. Уже не одна сотня тысячъ положена съ того времени на академическія зданія; но если-бы истрачено было и еще столько-же, наша академія, разбросанная по нѣсколькимъ отдѣльнымъ постройкамъ, всетаки не получила-бы и никогда не получить такого удобнаго, цѣльнаго и представительнаго вида, какой она имѣла-бы, помѣстившись, можетъ быть даже съ меньшими затратами, въ одномъ изъ тѣхъ зданій, какія въ свое время указывались для нея въ Москвѣ. Вступивъ въ близкое духовное общеніе съ столицей, наша академія и по внѣшности своей получила-бы столичный видъ; но, увы, ей суждено и доселѣ еще оставаться посадскою, сохраняя въ значительной степени и посадскую наружность. — Да проститъ мнѣ читатель это невольное отступленіе; онъ, конечно, понимаетъ, что бываютъ вопросы, такъ близко касающіеся нашихъ

давнихъ мыслей и чувствованій, что слишкомъ трудно пройти мимо ихъ въ равнодушномъ и важномъ молчаніи ¹⁾.

Въ началѣ втораго часа Высокопр. Палладій простился съ Московскою академіей и въ половинѣ третьяго, въ тотъ-же день, выѣхалъ обратно въ Москву.

Въ послѣдніе годы наша академія была особенно счастлива архипастырскими посѣщеніями. Въ минувшемъ 1892-мъ году двадцать семь іерарховъ видѣла она въ своихъ стѣнахъ, а именно еѣ посѣтили: Высокопреосвященные—митрополиты: Московскій—Леонтій и С.-Петербургскій—Палладій, и Архіепископы: Тверской—Савва, Владимірскій—Феоногость ²⁾, Экзархъ Грузіи—Владиміръ, Ярославскій—Ионафанъ, Рязанскій—Феокистъ, Казанскій—Владиміръ и Владимірскій—Сергій. Преосвящ. Епископы: Калужскій—Виталій, Рижскій—Арсеній, Воронежскій—Анастасій, Пермскій—Петръ, Енисейскій—Александръ, Самарскій—Гурій, б. Смоленскій—Несторъ, Сухумскій—Агаѳодоръ, Дмитровскій—Александръ, Можайскій—Тихонъ, б. Волоколамскій—Христооръ ³⁾, Угличскій—Амфилохій, Уманскій—Іаковъ, Новгородсѣверскій—Сергій, Ковенскій—Григорій ⁴⁾, Старицкій—Гавріиль, Острогожскій—Владиміръ и Люблинскій—Гедеонъ. Въ предшествовавшемъ 1891-мъ году, кромѣ нѣкоторыхъ изъ числа поименованныхъ архипастырѣй, московскую академію посѣщали: Владыка митрополитъ Іоанникій и Преосв. Епископы: Уфимскій—Діонисій, Выборгскій—Антоній ⁵⁾, Старорусскій—Антоній, Костромской—Виссаріонъ и Алеутскій—Николай. Нѣкоторые изъ этихъ архипастырѣй, а именно: Высокопреосвященные Леонтій и Савва и Преосвященные Висса-

¹⁾ При отвѣтѣ на вопросъ, поднятый авторомъ, нельзя, конечно, опустать изъ вниманія то важное обстоятельство, что изъ четырехъ академій всѣ, кромѣ Московской, находятся въ большихъ городахъ: въ Петербургѣ, Кіевѣ, Казани. Эти остальные, городскія, академіи должны своею исторією давать твердыя данныя для сужденія о преимуществахъ пребыванія академій въ большихъ городахъ, а не въ такихъ малыхъ поселеніяхъ какъ Сергіевскій посадъ. *Примѣч. редактора.*

²⁾ Нынѣ Архіепископъ Новгородскій.

³⁾ Нынѣ Еп. Ковенскій.

⁴⁾ Нынѣ Еп. Туркестанскій.

⁵⁾ Нынѣ Архіепископъ Финляндскій.

ріонъ, Николай, Христофоръ и Тихонъ, совершали богослуженіе въ академической церкви. Такимъ образомъ въ минувшіе два года Московская духовная академія удостоилась принять у себя всѣхъ троихъ русскихъ Митрополитовъ, семь Архіепископовъ и двадцать три Епископа. Конечно, это обстоятельство въ значительной степени обусловливалось тѣмъ, что въ истекшемъ году всенародное торжество пятисотлѣтія со дня блаженной кончины Препод. Сергія привлекло въ стѣны его святой обители особенно многочисленный сонмъ Россійскихъ іерарховъ; но, какъ-бы то ни-было, Московская духовная академія высоко цѣнитъ вниманіе къ себѣ просвѣщенныхъ архипастырей, падѣясь видѣть въ немъ нѣкоторое выраженіе сочувствія къ своимъ посильнымъ трудамъ на пользу св. православной Церкви.

Оглядываться часто назадъ не всегда значить замедлять свое движеніе впередъ. Напротивъ, часто обращаться напр. къ урокамъ прошедшаго, признательно помнить и чтить, хотя-бы и давно почившихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей, вдохновляться ихъ идеями и поступками и находить себѣ въ нихъ достойные образцы для подражанія, — значить сильно преуспѣвать въ своемъ прогрессивномъ развитіи. Не даромъ-же вѣдь чѣмъ культурнѣе народъ или вѣкъ, тѣмъ внимательнѣе онъ къ своей исторіи, тѣмъ дороже цѣнитъ заслуги предковъ и тѣмъ заботливѣе хранить о нихъ признательную память. Въ послѣднее время столѣтніе и всякіе другіе юбилеи почившихъ дѣятелей такъ обычны и такъ размножились, что нерѣдко даже приходится слышать по этому поводу и нападки и глумленія. Правда, въ подобныхъ случаяхъ не всегда обходится безъ нѣкоторыхъ увлеченій и преувеличеній, невольнo вызывающихъ улыбку, но, при всемъ томъ, намъ думается, что такое сознательное и почтительное отношеніе къ своей исторіи составляетъ всетаки одну изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ нашей современной общественной жизни. Каждое учрежденіе выражаетъ, конечно, это господствующее общественное настроеніе въ своихъ, ему свойственныхъ, формахъ. Городскія думы устрояютъ въ память великихъ людей школы и читальни, пазываютъ ихъ именемъ улицы и учреждаютъ стипендіи; журналы и газеты чтятъ ихъ память статьями; члены ученыхъ корпорацій читаютъ

публичныя лекціи; театры даютъ юбилейныя спектакли; консерваторіи и музыкальныя общества устрояютъ концерты. Такое общественное настроеніе отразила на себѣ въ большей или меньшей степени и Московская духовная академія. Въ концѣ минувшаго года она справила ученую тризну по двумъ такимъ дѣятелямъ, которые навсегда оставили глубокой слѣдъ въ ея исторіи, и справила, конечно, въ формѣ, наиболѣе соответствующей ея задачамъ.

Въ исторіи Московской академіи нельзя указать другаго лица, которое, по своему могучему вліянію на жизнь ея, могло-бы равняться съ святителемъ Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ. Много болѣе половины своей, прожитой доселѣ, жизни академія стояла подъ его постояннымъ, близкимъ надзоромъ и руководствомъ; онъ указывалъ ей путь и давалъ направленіе ея дѣятельности; онъ воспиталъ тѣхъ вождей, которые и по смерти его стояли во главѣ академіи и до послѣднихъ лѣтъ руководили ея судьбами. Въ минувшемъ Ноябрьѣ исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня кончины приснопамятнаго іерарха и Московская академія признательно почтила его память. — Въ шесть часовъ вечера 26-го Ноября, т. е. въ тотъ самый день и почти въ тотъ самый часъ, когда двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Троицкая-Сергіева лавра печально-торжественной процессіей встрѣчала остатки почившаго святителя, въ большой академической аудиторіи, наполненной профессорами, студентами и посторонними посѣтителями и посѣтительницами, состоялась публичная лекція проф. И. Н. Корсунскаго, посвятившаго доселѣ едва-ли не болѣшую часть своихъ ученыхъ трудовъ изслѣдованію личности и эпохи великаго Московскаго архинастыря. Въ настоящемъ случаѣ лекція проф. Корсунскаго имѣла своимъ предметомъ характеристику митрополита Филарета главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ людямъ, въ проявленіяхъ у него чувства любви, дружбы и благожелательной снисходительности, и поставляла своею задачей раскрытіемъ этихъ свойствъ его характера устранить тѣ обвиненія въ черствости и безсердечности, которыя высказывались противъ великаго святителя и доселѣ иногда высказываются въ печати и въ общественномъ мнѣніи. Лекція закончилась

общимъ пѣніемъ студентовъ молитвенной пѣсни: „со святыми упокой“¹⁾).

Третьяго Декабря исполнилась первая годовщина со дня кончины незабвеннаго профессора Моск. академіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Утромъ этого дня въ академической церкви, въ присутствіи профессоровъ, студентовъ и родственниковъ почившаго, о. ректоромъ, архим. Антоніемъ съ многочисленнымъ соборомъ духовенства совершена была заупокойная литургія и панихида, по окончаніи которыхъ другая панихида совершена была на могилѣ покойнаго; на Вознесенскомъ кладбищѣ. За литургіей, во время приобщенія священнослужителей, студентъ 4-го курса П. Тихоміровъ произнесъ съ большимъ чувствомъ написанное слово, въ которомъ охарактеризовалъ покойнаго, какъ достойный подражанія высокій образецъ чловѣка, во все продолженіе своей жизни служившаго идеямъ истины и добра. — Вечеромъ того-же дня въ академической аудиторіи, при большомъ количествѣ собравшихся слушателей, состоялась посвященная памяти Виктора Дмитріевича публичная лекція преемника его по кафедрѣ метафизики, доцента А. И. Введенскаго. Предъ началомъ лекціи, студентъ 4-го курса Н. Успенскій умѣло и одушевленно произнесъ слѣдующее, составленное имъ, стихотвореніе:

Промчался пѣлый годъ отъ той поры, какъ онъ —
 Нашъ другъ, учитель нашъ, „философъ-христіанинъ“,
 Окончивъ путь земной, вкусивъ могильный сонъ
 Возлегъ на смертный одръ и нѣмъ, и бездыханенъ.
 Ужъ годъ прошелъ, какъ онъ отъ дѣлъ земныхъ почилъ
 И, плоть свою отдавъ во власть земного тлѣнья,
 Безсмертною душой незримо воспарилъ
 Подъ кущи райскія въ небесныя селенья...
 Онъ долго намъ свѣтилъ и ярко озарялъ
 Сіяньемъ разума началъ мірскихъ основы;
 По мудрости земной глаголы онъ свѣрялъ
 Съ глаголомъ вѣчнаго Божественнаго Слова;

¹⁾ Эта лекція проф. Корсунскаго представляла собою лишь нѣкоторую переработку той рѣчи, которая была произнесена имъ на торжественномъ собраніи Общества Любителей духовнаго просвѣщенія 19-го Ноября и напечатана послѣ въ Декабрской книжкѣ „Чтеній“.

Но въ дальней области холоднаго ума,
 Въ исканьи истины и мудрости безстрастной
 Имъ вѣра чистая была сохранена,
 И пламень чувствъ живыхъ души своей прекрасной
 Средь тьмы земныхъ страстей съумѣлъ онъ уберечь.
 Онъ—вышей мудрости глашатай благодатный,—
 Доступенъ былъ для всѣхъ, его живая рѣчь
 Была такъ искренна и всѣмъ была понятной...
 И вотъ промчался годъ, какъ замеръ вѣщій гласъ,
 Горячія уста, сомкнувшись, замолчали,—
 Онъ—пламень истины, онъ—свѣточъ нашъ погасъ,
 Повергнувъ насъ во мракъ томительной печали.—
 Но онъ не позабытъ въ покоѣ гробовомъ,
 Изгладить не могли тревоги дней текущихъ
 Признательной любви и памяти о немъ
 Въ сердцахъ у всѣхъ у насъ, его глубоко чтущихъ.
 Онъ умеръ,—но живутъ еще его дѣла,
 Онъ смолкъ,—но въ насъ звучитъ его живое слово,
 И сорною травой тропа не заросла
 Къ могилѣ нашего философа родного.
 И вотъ насъ собрала теперь сюда любовь
 Усопшаго почтить хвалою нелицемѣрной,
 Но нѣтъ такихъ рѣчей, такихъ у насъ нѣтъ словъ.
 Чтобъ быть вполне могли ему оцѣнкой вѣрной,
 Чтобъ выразить могли, съумѣли передать
 Значенье дѣлъ его и личности, и знацій.—
 Да будетъ же и мнѣ позволено сказать
 Въ замѣну словъ хвалы слова лишь пожеланій:
 Дай Богъ, чтобы въ сердцахъ у насъ не умиралъ
 Его привѣтный ликъ и образъ величавый,
 Чтобъ ярко звѣздой во вѣки онъ сіялъ
 Въ немеркнущихъ лучахъ неугасимой славы!
 Дай Богъ, чтобъ сѣмена его благихъ идей,
 Посѣянные имъ при жизни, не пропали,
 Заглохнувъ въ терніяхъ сомнѣній и страстей,
 Но чтобъ они взошли и плодъ обильный дали!
 Дай Богъ и намъ его завѣтовъ не забыть
 И, памятуя жизнь учителя благого,
 Свой трудъ нелѣпно и свято совершить
 На нивѣ благодной ученія Христова!

Затѣмъ вступилъ на кафедру А. И. Введенскій и въ живой прочувствованной рѣчи представилъ слушателямъ характеристику нравственной личности почившаго незабвеннаго наставника, заключивъ ее пожеланіемъ, чтобы дорогое имя Виктора Дмитриевича навсегда осталось въ числѣ тѣхъ, которыми справедливо гордится Московская духовная академія ¹⁾).

Въ промежуткѣ между этими двумя публичными чтеніями, посвященными памяти почившихъ дѣятелей, въ той-же аудиторіи и при столь-же многочисленномъ собраніи слушателей, 1-го Декабря, состоялось еще третье чтеніе профессора П. И. Горскаго-Платонова. Начавъ съ своихъ личныхъ воспоминаній о тѣхъ, предпринимавшихся нѣкогда въ семинаріяхъ, мѣропріятіяхъ, при помощи которыхъ хотѣли сдѣлать священниковъ и землемѣрами, и агрономами, и врачами, лекторъ, и въ современномъ положеніи пастырей церкви указалъ одну сторону, которая представляетъ собою тяжелое для нихъ бремя, неимѣющее при томъ ничего общаго съ ихъ прямыми пастырскими задачами, а именно—массу канцелярскихъ, статистическихъ и т. п. д. обязанностей, которыя подавляютъ современнаго священника, отнимая у него и трудъ и время. Въ виду того, что первое число Декабря было днемъ памяти митрополита Филарета, какъ день его тезоименитства, профессоръ заключилъ свою лекцію воспоминаніемъ, что почившій святитель всегда относился не сочувственно къ попыткамъ навязать священникамъ обязанности, не имѣющія близкаго отношенія къ существу ихъ пастырскаго служенія.

Къ крайнему прискорбію, не однѣ только тризны по прежде-почившимъ дѣятелямъ пришлось справлять нашей академіи въ концѣ минувшаго года; но и двѣ свѣжія могилы Господу угодно было воздвигнуть на ея кладбищѣ. Двадцать шестаго Октября въ день своего ангела скончался студентъ 3-го академическаго курса Д. А. Казанскій, а въ ночь на 15-е Декабря студентъ 4-го курса Ив. А. Малининъ. Нельзя было безъ глубокаго волненія, а иногда и безъ невольной слезы, видѣть эти товарищескія похороны безвременно-погибшей юной жизни. Горько, но вмѣстѣ и

¹⁾ Эта лекція А. И. Введенскаго напечатана выше.

отрадно становилось на душѣ при видѣ той нѣжной заботливости, какою окружали добрые юноши гробъ своихъ почившихъ товарищей,—при видѣ этого неусыпнаго, дню и ночью продолжавшагося чтенія псалтири, этихъ постоянныхъ панихидъ, этихъ величаво-торжественныхъ выносовъ, заупокойныхъ литургій и отиѣваній, совершавшихся о ректоромъ, или о инспекторомъ академіи въ сослуженіи многочисленнаго сонма товарищей-священнослужителей, при трогательномъ пѣніи студенческаго хора; этихъ вѣнковъ и гирляндъ, украшавшихъ гробы; этого обильнаго, волнующагося потока словъ и рѣчей, въ которомъ порывисто стремилось вылиться горячее чувство юной дружбы. Искренно можно было порадоваться за живыхъ, когда такимъ прекраснымъ порывомъ въ нихъ выражалось все то, что есть лучшаго и наиболѣе возвышеннаго въ душѣ человѣка; но нельзя было и не скорбѣть глубоко о тѣхъ, кто такъ преждевременно покончилъ свои, едва лишь начавшіеся, счеты съ жизнью. Эта скорбь, всегда вполне понятная и естественная при гробѣ юноши, была тѣмъ умѣстнѣе теперь, когда хоронили такихъ юношей, которые еще такъ недавно были сильны и тѣломъ и духомъ, выдѣлялись изъ ряда другихъ своимъ здоровьемъ и крѣпостію, а за душевныя качества свои пользовались всеобщимъ расположеніемъ. Вотъ какъ отзывались напр. товарищи въ своихъ словахъ и рѣчахъ о Д. А. Казанскомъ: „Казалось, онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, былъ созданъ для жизни, казалось, ни малѣйшей силы, ни малѣйшаго значенія не могли имѣть для него гибельныя для другихъ болѣзни и помощи человѣческія“. Это былъ юноша, „тѣлесной крѣпости котораго мы всѣ удивлялись“, „сильный духомъ и тѣломъ“, „закаленный, казалось, противъ всякихъ стихійныхъ вліяній“, „такой, которому предлежала, по нашему человѣческому разумѣнію, долгая и благополучная жизнь“... Но всѣ эти надежды не оправдались. Заболѣвъ тифомъ въ началѣ Сентября, тотчасъ по приѣздѣ своемъ въ академію послѣ лѣтнихъ вакацій, Д. А. успѣлъ настолько поправиться, что его предстоящее полное выздоровленіе уже признало было несомнѣннымъ, какъ вдругъ неожиданное осложненіе болѣзни, разрѣшившееся гангреною легкихъ, уничтожило всѣ надежды и быстро привело его къ могилѣ. — Еще болѣе неожидан-

ною была кончина И. А. Малинина, „мощное тѣло“ котораго „дышало избыткомъ силъ и энергій“. За педѣлю до роковаго дня, онъ чувствовалъ нѣкоторую боль въ желудкѣ, но, не придавая ей серьезнаго значенія, продолжалъ, по прежнему, свои обычныя занятія. Въ воскресенье, 13-го Декабря, желудочныя боли усилились до такой степени, что съ больнымъ сдѣлался обморокъ и его отнесли въ академическую больницу. Ходъ болѣзни не предвѣщаль, повидимому, ничего опаснаго, но въ понедѣльникъ обморокъ опять повторился и чрезъ нѣсколько времени, при быстро усиливавшемся упадкѣ силъ и сознанія, больной неожиданно скончался. Въ виду непонятности такого внезапнаго исхода болѣзни, на другой день, комиссіей изъ трехъ врачей тѣло почившаго было вскрыто, при чемъ обнаружилось, что смерть послѣдовала отъ разрыва двѣнадцатиперстной кишки, обусловленнаго острымъ воспаленіемъ ея и образовавшейся на ней язвой. И въ полтора дня здороваго, сильнаго юноши не стало!—Привлекательныя душевныя качества обоихъ почившихъ были причиною всеобщаго къ нимъ расположенія. „Какъ человекъ и товарищъ, Д. А. Казанскій, по свидѣтельству его сотоварищей, оставилъ по себѣ самую хорошую память. Его прямой и открытый характеръ, его кроткое и незлобивое сердце, эти столь необходимыя и высоко цѣнимыя въ товариществѣ качества, невольно привлекали къ нему симпатіи не только товарищей, но и всѣхъ, кто почему либо узнавалъ его“. „Всякій, кто только зналъ это кроткое и незлобивое сердце, никогда не забудетъ его. Онъ именпо обладалъ тою открытою и безхитростною душею, которая бываетъ особенно привлекательна для окружающихъ его и неопѣнима въ товариществѣ. Проведшіе съ нимъ два года на академической скамьѣ хорошо знаютъ его съ этой стороны, и, нисколько не преувеличивая, можно сказать, что уживчивость его характера и непритязательность по отношенію къ другимъ могутъ быть высокимъ, достойнымъ подражанія образцомъ нашимъ. Онъ не только не подавалъ никогда повода къ какимъ либо ссорамъ и неудовольствіямъ, а, наоборотъ, всюду вносилъ съ собою простоту и искренность отношеній, какое-то особое благодушное настроеніе, при воспоминаніи о немъ вызывающее теплое чувство довольства и пріятнаго“.... „Предъ самой

своей кончиной, когда почти каждый умирающій начинаетъ съ непонятнымъ для насъ равнодушіемъ относиться къ окружающему, онъ сказалъ: я ухожу отъ васъ, но вы не горюйте,—меня закопаютъ, но близкіе будутъ ходить около меня и мнѣ будетъ хорошо“. Вотъ слова усопшаго, высокоутиѣшительныя какъ для насъ, братьевъ его по духу, такъ и для близкихъ ему по плоти. Мы видимъ, что даже и по смерти своей онъ не желаетъ лишиться товарищескаго общенія, а, стало-быть, оно было въ глазахъ его первымъ и важнѣйшимъ условіемъ счастливой и покойной жизни“. — Объ И. А. Малиншиѣ его товарищъ говорилъ: „Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей „которые, войдя членомъ въ любое общество, въ любую среду, сразу привлекаютъ къ себѣ сочувствіе и симпатію, сразу вносятъ съ собою что-то удивительно сердечное, удивительно мягкое, задушевное. Вездѣ они желанныя, дорогіе сочлены; вездѣ съ ихъ появленіемъ вносится какое-то примиряющее, благодушное начало. Одинаково чуждые и заносчивости и неискренняго смиренія, — они, не ратуя за свои права, не стремясь къ усиленной охранѣ собственнаго достоинства, встрѣчаютъ со стороны окружающихъ и искреннюю любовь и полное уваженіе“... „Всегда ровное, радостное настроеніе у него тѣсно связано было съ замѣчательно бодрымъ, здоровымъ взглядомъ на жизнь“.... „Трудъ и разумныя развлеченія, — вотъ тѣ двѣ основныя стихіи, изъ которыхъ стремился слагать свою жизнь почившій, и достигалъ онъ осуществленія этихъ стремленій своихъ съ успѣхомъ завиднымъ“... „Въ средѣ товарищей онъ былъ изъ числа людей очень трудолюбивыхъ; работалъ всегда усердно и съ большимъ интересомъ къ дѣлу“... далеко не безучастнымъ оставался и къ явленіямъ жизни общественной; любилъ оживленную бесѣду о тѣхъ вѣчныхъ вопросахъ, которые такъ часто вызываютъ шумные споры въ пылкомъ кругу молодежи“... „Но, трудясь, покойный умѣлъ находить отъ трудовъ и такой отдыхъ, такія развлеченія, какія дѣлали великую честь его вкусамъ и склопностямъ. Всѣ свободныя минуты онъ посвящалъ музыкѣ и пѣнію, — искусство было любимымъ его дѣломъ“¹⁾).

¹⁾ При выносѣ и погребеніи Д. А. Казанскаго добрымъ словомъ поминули его студенты: Д. Ширяевъ, Л. Соколовъ, С. Кудюкинъ и В. Покров-

Миръ вашему праху отцвѣтшіе, не успѣвши разцвѣсть!
 Да не посѣтуетъ на меня читатель за то, что я свою, первую въ новомъ году, съ нимъ бесѣду заключаю такимъ печальнымъ предметомъ. Неожиданная кончина юношей, полныхъ силъ и надеждъ, только еще начинавшихъ жизнь свою, не представляетъ-ли намъ собою самый лучший урокъ при началѣ новаго года? Быть можетъ и они мечтали въ кругу близкихъ и любящихъ радостно встрѣтить этотъ годъ, но иначе судилъ Господь. Зачѣмъ-же и намъ отгонять отъ себя эту грозную мысль о возможности каждый день и каждый часъ встрѣтиться съ роковымъ исходомъ?! „Поминай послѣдняя твоя“, говоритъ Премудрый, „и во вѣки не согрѣшиши“. (Сир. VII, 39). Чѣмъ чаще ты будешь помнить это, тѣмъ будешь лучше и чище, ибо мысль о предстоящемъ тебѣ конечномъ расчетѣ съ жизнію и самаго легкомысленнаго человѣка способна заставить призадуматься надъ своимъ нравственнымъ строемъ. Поминай послѣдняя твоя не тогда только, когда силы ослабѣютъ и болѣзнь привяжетъ тебя къ смертному одру; но поминай тогда, когда тебѣ все улыбается, когда ничто вокругъ не напоминаетъ тебѣ о смерти. Поминай и тогда, когда, при встрѣчѣ новаго года, бьетъ двѣнадцать часовъ, когда вокругъ тебя наряды и веселье, когда оркестръ гремитъ и бокалы искрятся виномъ. Въ потокѣ общаго веселья, поднимая бокалъ свой, „поминай послѣдняя твоя“ и ты навѣрное воздержишься отъ многого дурнаго.

В. Соколовъ.

скій; а И. А. Малинина — Свящ. С. Вѣльскій, К. Сильченковъ и Н. Писаревскій. Всѣ эти слова и рѣчи, выдержки изъ которыхъ нами приводятся, напечатаны, по мѣсту происхожденія почившихъ, въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: Тульскихъ 1892 г. №№ 23 и 24-й и Калужскихъ 1893 г.